

МАХ, ПУАНКАРЕ И ВЕБЕР: В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ВСЕ НЕ ТАК, КАК НА САМОМ ДЕЛЕ*

Антоновский Александр Юрьевич – доктор философских наук, исследователь. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, 105062, г. Москва, Лялин пер., 1/36, стр. 2; e-mail: antonovski@hotmail.com

В статье опровергается панельный тезис А.Л. Никифорова. Обосновывается неверность его утверждения о том, что идеи Макса Вебера представляют собой маргинальное направление развития науки, связанное с сугубо обществоведческим интересом этого мыслителя. В свою очередь, доказывается, что приписывание Э. Маху и А. Пуанкаре идеи реализма и корреспондентской теории истины является неверным или ограниченно-возможным.

Ключевые слова: реализм, конструктивизм, наука, миссия ученого

ON MISINTERPRETATION OF MACH, POINCARÉ AND WEBER

Alexander Yu. Antonovski – DSc in Philosophy, researcher. Interregional Non-Governmental Organization «Russian Society for History and Philosophy of Science». 1/36 Lyalin lane, bd. 2, 105062, Moscow, Russian Federation; e-mail: antonovski@hotmail.com

The article disproves the panel thesis of A.L. Nikiforov. The fallacy of his assertion that the ideas of Max Weber represent a marginal direction of the development of science, connected with the purely social interest of this thinker, is revealed. In turn, it is proved that the attribution of the idea of realism and the correspondent theory of truth to E. Mach and H. Poincaré is incorrect or restrictedly possible.

Keywords: realism, constructivism, science, mission of scientist

Почему Мах не реалист

Нашу критику тезиса А.Л. Никифорова начнем с «реалистской» интерпретации концепции Э. Маха. Мы охотно солидаризируемся с Махом-конструктивистом в его понимании науки как продолжения возможностей сознания и языка, как их дополнение с функцией «экономичной», т. е. успешной, гарантированной, апробированной и сохраненной в памяти ориентацией в пространстве и времени (что вовсе не означает *адекватной* репрезентации объектов). Но ведь именно в силу такой ориентации на «экономия» наука и обхо-

* Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 19–18–00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

дится без истины в ее корреспондентском смысле, т. е. не нуждается в том, чтобы знать о том, «как обстоят дела на самом деле» (что в свою очередь также не означает, что и сам ученый не считает истину репрезентацией объектов). Наука (законы и теории) действительно отчасти выступает той самой «мнемонической техникой» успешной ориентации, но не реального доступа к объектам. Но зачем Никифорову Мах-реалист? Цели науки Мах усматривает вовсе не в поисках пресловутого «соответствия» знания и реальности, а в «замене» или «спасении» теорией явлений [Mach, 1960, р. 577]. Но ведь и Вебер говорит, о том, что ученые расстались с мотивацией, связанной с поиском подлинного бытия. Однако ориентацию на истину как критерий научности и подлинно научного поиска, отличающего настоящего ученого от проводников той или иной ценности, Вебер полностью сохраняет. Иллюзия о Махе-реалисте возникает лишь в контексте приписывания ему псевдокорреспондентской теории истины, или словами Никифорова: «цель научного познания состоит в обеспечении все более точного соответствия наших идей фактам». Однако речь у Маха идет о *соответствии* совсем другого рода, о соответствии теории и комплексности наших ощущений (фактов).

Почему Пуанкаре не репрезентативист?

В репрезентативистской переинтерпретации конвенционализма Пуанкаре Никифоров заходит с другой стороны и использует аргумент «от прекрасного»: «Ученый изучает природу не потому, – писал он, – что это полезно; ...это дает ему наслаждение потому, что природа прекрасна», что и служит источником и стимулом научного поиска. Однако, заметим, в цитате не заложена та идея, которую приписывает Никифоров Пуанкаре и от которой отказывается Вебер – а именно идея о том, что открытие истины, реальности, замысла Бога, подлинно-прекрасного и подлинно-благого для ученого прошлого (Кеплера, Галилея, Ньютона) является целью и мотивом научной деятельности.

Но разве у Пуанкаре идет речь о том, что законы природы вскрывают «зашифрованные» Богом пропорции, симметрии или регулярности? «Для Пуанкаре истинное знание выражает красоту и гармонию мира», – пишет Никифоров, однако непонятно, как это происходит из идеи Пуанкаре о том, что мир и природа – еще до и безотносительно его научного препарирования – служат источником научного вдохновения (особой мотивации, «упоения наукой» в смысле Макса Вебера [Вебер, 1990, с. 707; Бараш, 2018; Касавин, 2019]).

И напротив, в том, что касается релятивизма и конвенциализма, Пуанкаре, как и Вебер, говорит о недостижимости окончательной истины. Так, первый закон Ньютона об инерционном движении, согласно Пуанкаре, не может быть верифицирован, ведь тело всегда подвергается действиям тех или иных сил. Собственно, именно поэтому-то и вынуждены ученые прибегать к конвенциям (типа первого закона Ньютона). Но умаляет ли это ориентацию на истинное познание как мотив научной деятельности? Вовсе нет. И тут Пуанкаре вторит Веберу, поскольку научная конвенция включает известную «долю» объективности [Poincaré, 1905, p. 98]. В этом смысле у Пуанкаре (как и у М. Вебера) сохраняется баланс между истиной как опорой на реальность и истиной как недостижимым идеалом.

Почему Вебер реалист?

На наш взгляд, Александр Леонидович так же сильно искажает позицию Вебера. Немецкий социолог вовсе не обвиняет в науку том, что она не решает «экзистенциальные» или философские проблемы. Напротив, ориентируясь в том числе и на стандарты естествознания и выражая общий позитивистский дух эпохи, Вебер утверждает, что наука и не должна утверждать о «правильности» или «неправильности» тех или иных ценностей или предпочтений (= последних целей человеческих действий). Отсюда неверен и весь вывод Никифорова, о том, что представители естествознания и обществоведы по-разному видят судьбы науки. Несмотря на все различие номотетических и идеографических наук последние в своей установке на объективность, по мнению Вебера, ничуть не уступают естествознанию.

Что же касается идеи прогресса науки, полный отказ от которого Никифоров приписывает Веберу, то и здесь голословными представляются некоторые утверждения. Так, Вебер нигде не утверждает, что также и *эмпирические обобщения, теории среднего уровня* будут со временем отклонены. Но базовая интуиция, конечно, верна, и уже стала неоспоримой: для обоснованной научной критики нет никаких авторитетов. Поэтому судьба *любой* «высокой» научной теории в этом смысле предрешена. Что может и не сказываться на некоторых базовых содержательных понятиях или частных утверждениях (скажем, гелиоцентрический тезис Коперника) в рамках больших теорий. Но даже и в отношении «входящих» в большие теории *концептов и понятий* со времени Фейерабенда известно, что все они в новых теоретических контекстах меняют свои смыслы (стандартный пример – понятие массы в ньютоновской и релятивистской физике). Поэтому и упомянутый Никифоровым *гелиоцентризм* Коперника

спасти все-таки не удастся, поскольку, как известно, не Земля вращается вокруг Солнца, а оба тела вращаются вокруг общего гравитационного центра.

Что можно спасти в тезисе А.Л. Никифорова?

Какой же вывод мы можем вывести из обсуждаемого панельного тезиса? Во всем ли неправ Никифоров и его утверждения следовало бы «просто отбросить и забыть» как «бабочку-однодневку» вслед за коперниковским гелиоцентризмом (и тем самым доказать перформативно правоту Вебера нескончаемой сменяемости научных истин)?

Александр Леонидович не аргументами, но самим своим текстом утверждает верный, с нашей точки зрения, *конструктивистский* подход [Лекторский, 2008], демонстрируя произвольность, ограниченность и дополнительность всех философских «-измов» и штампов. Так, берклианец Мах и конвенционалист Пуанкаре легким движением руки А.Л. Никифорова именно потому так легко превращаются в реалистов и сторонников корреспондентской теории истины, что они отчасти и действительно выражают эти позиции. И во многом потому, что сами эти философские определения являются неполными, но выражают лишь ситуативное положение наблюдателя-теоретика. Так, согласно Пуанкаре, конвенция, конечно, представляет собой соглашение ученых, но эта конвенция не является произвольной, она имеет мир своим референтом, и именно это специфицирует коммуникацию научного сообщества с его «инореференциальной коммуникацией» [Луман, 2017] от всех остальных сообществ и групп. Можно сказать, что сообщество ученых способно сформулировать, обосновать и защитить свои конвенции, поскольку сам мир оказывается неким судьей их валидности и одновременно источником единства ученого мира.

Наука XX века и ее достижения

«Наука XX века ничего не дала для духовного развития человека», — несколько неожиданно резюмирует Никифоров. Можно было бы согласиться с тем, что наука ничего не дала для духовного развития, но лишь в том смысле, что она вовсе не является такого рода внешним «поставщиком» некоего духовного продукта; она, собственно, и есть само это «духовное развитие человека». Наука, прежде всего, представляет его оптикой, его органом зрения, некой способности наблюдать с помощью понятий и иных инструментов. И именно в XX в. благодаря новым возможностям наблюдательной оптики, среди прочего,

был расшифрован геном человека, что средствами генной инженерии уже сейчас позволяет избавить человека от страданий, связанных с наследственными заболеваниями. Новые наблюдательные способности открыли ученым историю и пространственно-временную структуру мироздания. Собственно, это *движение наблюдателя* во всех направлениях пространства и времени, открытия возможных и нереализовавшихся миров и есть та самая искомая мотивация доктора Фауста (*daß ich erkenne, was die Welt Im Innersten zusammenhält*), утрата которой так заботила Вебера и собственно и составляющая духовное развитие человека. Современные системы искусственного интеллекта, развитие искусственных нейронных сетей и другие достижения нейронауки реализуют давнюю идею человека-машины; освобождают человека от его рутинных практик и пресловутого отчуждения, связанного с необходимостью «трудиться» (от самого «труда как рокового проклятия человечества» и главного ограничителя духовной практики), и открывают возможности для «индивидуального конструирования собственных биографий» (Э. Гидденс). Что-то это должно значить и для «духовного развития» человека.

Список литературы

- Бараш, 2018 – *Бараш Р.Э.* Наука Макса Вебера: рецепция и современность // *Epistemology & Philosophy of science* / Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 174–188.
- Вебер, 1990 – *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
- Касавин, 2019 – *Касавин И.Т.* Дилемма ученого: профессия или призвание // *Вопр. Философии*. 2019. № 7. С. 17–21.
- Лекторский, 2008 – *Лекторский В.А. и др.* Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке // *Вопр. философии*. 2008. № 3. С. 3–36.
- Луман, 2017 – *Луман Н.* Эволюция науки // *Epistemology & Philosophy of science* / Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52. № 2. С. 215–233.
- Mach, 1960 – *Mach E.* The Science of Mechanics: a Critical and Historical Account on Its Development. N. Y.: Open Court, 1960. 635 pp.
- Poincaré, 1905 – *Poincaré H.* Science and Hypothesis. N. Y.: Science Press, 1905. 274 pp.

References

- Barash, R.E. “Nauka Maksa Vebera: recepciya i sovremennost” [Max Weber on Science], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 4, pp. 174–188. (In Russian)
- Kasavin, I.T. “Dilemma uchenogo: professiya ili prizvanie” [The Scientist’s Dilemma: Profession or Vocation], *Voprosy filosofii*, 2019, vol. 7. pp. 17–21. (In Russian)

Lektorsky, V.A. et. al. “Konstruktivizm v epistemologii i naukakh o cheloveke” [Constructivism in Epistemology and the Humanities], *Voprosy filosofii*, 2008, no. 3, pp. 3–36. (In Russian)

Luhmann, N. “Evolutsiya nauki” [Evolution of Science], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 52, no. 2, pp. 215–233. (In Russian)

Mach, E. *The Science of Mechanics: a Critical and Historical Account on Its Development*. New York: Open Court, 1960, 635 pp.

Poincaré, H. *Science and Hypothesis*. N. Y.: Science Press, 1905, 274 pp.

Weber, M. Nauka kak prizvaniye i professiya [Science as a Vocation], in: Weber, M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress, 1990, pp. 707–735. (In Russian)